

Из книги «Голубое это белое»

* * *

Кипячение перистых и кучевых ,

нежный цикл темного - туч,

отжим, гроза, второй отжим,

наизнанку стирается ночь, наверх

взбирается сердце во сне, ошибается этажом,

ошибается сном - не в дверях это был затяжной поцелуй,

а одно за другим «постирай!» -

неземной чистоты круговой циклон, нагревание, пыль,

небо в небе. За ним

поворачиваясь, рукава и носки,

облачения тел, полиняв,

обнимаются там, приникают и мнутся, бросаясь друг к другу с краев,

вырываясь, как гнев.

* * *

Условимся, что эта рябь и есть дно озера - возьмем ее за дно,

основу, низ, и зреньё переправим.

Земля прильнет - поверх воды рельеф,

а воздух , лес, его деревьев рёв

и здания пока оставим.

Теперь нас нет, покрытых с головой

слоями воздух а, теснимых мошкарой,

растений посреди и разных

пород тумана, пыли и теней,

невидимых , как руки за спиной,

как звери в праздник.

Нет нас, но растекается раствор,

по тверди лиц, проявлен разговор

в саду, поодаль - статуя и пятна,

плоды труда - трёх мерные на вид,

а тронешь - гладь, подстрочный перевод

любви, невнятный.

И если так, и если мы не там,

а раньше искушения плодом,

еще в симметрии, до трех недосчитали,

разлуки нет. Где едешь ты в уме,

там я сижу под рыбами в трюмо

на самом деле.

* * *

Напрасно они прибывают, двоясь,

выпускают, пошатываясь,

смешных

лодочников и цепи -

берегу не до них :

там уже наступило со всеми,

стряслось -

время проката учеть некому,

некуда сдать весло.

Плыли бы так, бесплатно, как есть,

пели бы мимо своё гондольеры amore*, но нет,

прибывают, а видимости никакой,

сверх у трубят,

чайка доклёвывает скелет,

расступается воздух ,

в нём отражается что-то другое

- не борт, не корма там у берега,

где ты, amore*, et

in Arcadia ego*. Сноски “любовь» итал. «и в Аркадии – я” лат.

* * *

сложим вместе за углы

с двух сторон сначала этот с тем

а потом другой с другим и

глазу глаз

станет виден глазом ух о в ух о вслушается там

стану

тем что ты бы мог забыть а ты

СТАНЬ ТЕМ ЧТО КОЛЫШЕТСЯ СЛОЖИТЬСЯ В СТЕНЫ ТЕЛ

СТАНЬ

ЖИВОЕ ТЕНИ КЛОК НОРА

В КУЛАК

ЛЮБВИ ЗАЖАТЫЙ КРАЙ

СЛОЖИМ ВСЁ ТОГДА ПОТОМ ПОРА

НЕТ ВРЕМЕНИ

НЕТ СЕРЕДИНЫ ДА

НЕ УМЕРЕТЬ ЗАТО

* * *

Ледяной мост о перилах , о луне,

Мост мой - грусть,

как же я тебя не слышу под ногой,

как же я тебя не чую под рекой,

как же я не знаю, мост, кого

с кем соединяется глава,

что скрывает за тобою тень.

О береговых устоях , сваях , мост, опорах : дунь -

устоят, а я едва иду на четырёх ногах ,

медленно обнявшись на ветру.

* * *

Так сложилось - втрое,

и не уместается, выпирает из сердца,

как запасное в шкафу одеяло, алеет,

на дверь изнутри налегая всем ситцем

то и дело, -

из фильма труп, норовящий выпасть,

растянуться, как всё судьбою

ставшее, ветер, сознания тайная область,

человека избыток в сабвее,

и не даёт закрыться, отбыть с платформы,

с кровати подняться

к аптечке - за чем-нибудь в ней снотворным,

в котором нет смысла: утро почти. Ну вот:

колени ко лбу, пятки к заду,

спина к стене, стена примыкает затем к соседу,

и как ни сложишь - один в уме, а себя не надо.

Так и так виноват.

* * *

шаг ещё происх одит

у вх ода и воздух

наклоняется всем существом

шаг навстречу ещё проихс одит а вес тех

существ о которых обычно живём

остальных отлегаёт ещё проихс одит у вх ода

шаг навстречу ко мне

а невесть что случается канешь я думаю кода

шум кошна за копной

шаг и там проихс одишь за шагом

шаг солома костьми

так и ляжет всё сущее шаг и защёлкнем

нас кто больше не мы

* * *

...тогда и нахлынет, как будто билет поменяли,

урок отменили, забрали из рук

пальто или даже младенца, тяжелый кулёк,

намокли часы, не работают - смейся,

гляди - не гляди

на них, безнаказанно смойся,

как будто в груди

воздушные виснут гимнасты, качаясь вольней,

чем места х ватает, но места х ватает во мне.

И можно, что можешь: прибыть, куда шлось, прибежать,

куда навсегда и бежалось, принежить, прижать,

кого навсегда и хотелось, как будто дано

во сне безнаказанно сбыться, и всё прощено.

Как будто, прильнув, не отхлынет отлив,

назад не утянет сердечного цирка ремни,

как будто бы радость без примеси прав

и смерти вменили бы мне, ошалев.

Как будто судьба отрастила в боку, пропустила в дыру

ограды особую ветку, в которой могу

с тобой не расстаться,

пока никогда не умру -

тем временем, в этом оставшись, пока не солгу.

Λ (видимое)

линий крылья без тел

прислонённые возглас без горл

НАКОНЕЧНИК ОДИН ТОЛЬКО

буква начала а дальше не проговорил

дом без дыма без даже земли

КОЛОКОЛ

язычок корвалол

стебель

зуб рыбий жало укол

уголь ух о лисы рог

игла

ус без рта грифель подле каракули парус гора

крайний в слове любил невесомый клочок из письма

больше меньше себя знак дороги мысок ли корма

клюв летящего ель

расх одящийся воздух ума

ОБРАТНО ИЗ ПЕНСИЛЬВАНИИ

В будничных гробах стеклянных движемся мы

за рулем и позади себя,

быстро и небыстро едем,

ждём,

а пока что - мимо

слепки разные зимы,

ночь навстречу нам,

происшествия, машин потусторонних номера,

всё одно и то же. Колпаки

света катятся, умора ads и всё бери

даром, ночь крепка.

Путь-дорога-автобан-х айвей -

путь обратный, значит, не ко мне,

в пять рядов, и рядом - кто-то свой,

он со мной на «мы», везёт. Глаза сомкну.

Здравствуй, громкость -

рокот и шумы

в одиночном черепе, в чехлах - память о любимом, внутренности
жалкие ума, судьбы

пол и потолок.

* * *

лицом к лицу пылится чернослив

и нежинских зелёных ушрей

засолен непчатый край

а лук блестит как слива

на столе

оранжевая скалится гора

придерживает голову присев

торговец зимний дорого дают

за новые плоды за грусть

восторг разгрызть засунуть их кусать

за сорванное жить

и косточку внутри

за рынок сад

за длинный гром ведра и то что в нём

* * *

речитатив надвигается

ровно грох отчет

тебе по слогам письмо начатое

нами вагоны и тонны

тебя на колени на

плечи на голову ранняя сыплется

сверх у зима на других на погоны работника

РЖД надо бы дальше пейзаж

но одна гора только и высится

видная всем из-за бортика рамы и то она облако лестница

ждать долго

ранняя ночь накренилась

навстречу

и силится броситься

* * *

В избытке весна, налегают сады на ограды,

на всеобщее - веки и глотки цветов, на изнанки и клиторы их и
мошонки -

на твоё обозрение. Клумбы - лежанки, палаты

душевнобольных и рожениц

и просто раздетых пижонски

загорающих . Кожицы, пух , заусеницы, шелест потомства,

поцелуи глициний слепых .

Параллельно пойдём: два

весенних не нас - через парк, через пригород, - два идиота,

не совсем помещаясь в шаги, не держась, задых аясь от света.

НАЧАЛО АПРЕЛЯ

Двубортный человек, его подруга,

два пса у них на ремешке

растут из дня, как новые побег,

как тело посреди прыжка,

а ноги их отбрасывают рошу

теней в асфальт.

Парк разбредается по сторонам и ропщет,

и свет на много вольт.

Прищуриваясь, вижу - разве запомню? - вчетвером стоят.

Куда девать картины мира, этих резвых

существ весной, их шкуры напросвет?

И так не уместить в бессонной,

набитой ими впрок

башке, и так и так разиней,

забывшим всё, под Божий лягу бок,

и потеснит себя, и втянет

пространство - не впервой,

дать место, рай, в котором ни меня нет,

ни нас с тобой,

ни парковой скульптуры, парных

людей, ни дня,

ни лая, ни еды на полдник,

ни сердца дна.

* * *

Вон река углубляется в глину и мел,

выдыхает - становится мель,

оглядываясь, проползает долину связным,

полувидна себе,

вращает колёсами мельниц, свинцовым мерцает зерном, сия

припадает к земным

выступам-дырам, не помещаясь

в ножнах русла,

и воспаряет с паром,

мучась, мечась, собирается после

грянуть,

пролиться, изречь себя, не забыв

ничего, Саваоф.

* * *

В музее ледяном от ламп,

всё левое крыло - за нимбом нимб, -

святые плоские, горох об стену - Поллок

до самого конца, где прилегла

Даная под дождём сверкающих опилок.

И каждый выступ красоты и дня

подолгу на глазное давит дно,

и каждый новый зал грозит искусством:

то люди, то этнические пни,

то ангелы вперяются в меня

с лукавством.

Хох очут кони, скалясь с полотна,

а туловища, груди, стремена

и сцены правды пресловутой

замаслены глазющими вдоль

и поперёк. Посередине стол,

скульптуры,

потные от света.

Так ярок, вероятно, морг,

как этой анфилады верх

и целлофановые волны

у Тёрнера, и так же

здесь чудно

и холодно, и все уже давно

не знают времени, довольны.

* * *

моря гнилая луковица

перекатывается

раненый слышит из сна

мотает лежит головой

на забинтованном и перемотанном море его

сукровица

проступает

быстрая бездна голубизна

видит он в себе сон видимость так себе в тысячный раз уже

вот он бежит

достигает размеров прыжка рост

мерный звук перемотки

он же с невестой на фоне зелёной ратуши

разная скорость назад облака

я это я многократное зарево дерево

взрывы кустов на бегу это я он умерла

марля я это соленое мерное варево

вместо целого тела которым была

* * *

Слышишь - играют,

но музыки словно бы нет -

так и висит на смычках ,

на подпорках . Заметишь узор впопых ах

дальше пролистнутых нот,

партии окон,

за ближним сиденьем - чужих ,

скрипки янтарный живот,

пятки рояля, бока его, шаг

клавиши, паузы свод.

Сколько уживчивой музыки прежде легко

в сердце ложилось,

в проталины слух а текло -

видимо, х ватит:

сонат ледяные куски

тверже стекла.

Прячется слух ,

и давно уже что-то внутри

чиркает, х олодно, чиркает снова и зря -

не запылает навстречу, но всё равно просится звук -

быть, как вчера.

ПЕРЕД КАРТИНОЙ

между толпой и толпой

позади толпы, впереди,

и немного над - в полный рост,

с голой грудью.

Посмотрим-ка мы с тобой

на меня, на белое вместо второй груди - арт,

х олст,

на прилюдный румянец

и на косое древко в руках , повстанец,

на знамя само.

Что там вышито - fraternite? l'amour?*

Посмотрим, как я ору, вырываясь из мяса и мрамора, лестниц в
потемках , радость,

как покрывается маслом грунт,

как прикрывается грудью мир

и как живописно черствеет наша Амур

в братских толпах , давай обсудим всем миром,

запомним ЭТОТ МОМЕНТ,

запомним ЭТОТ МОМЕНТ.

* * *

оползень береговой обнажает корни событий х оды подземных
личинок, звериные тайники Марсия мясо

мимо в лодке плывёшь

не предназначенных зрению срезанных воздух ом мест

срам смерти нора за норой внутренность пасть

памяти

образовавшийся край

вот они комнатки прежние злые кровати больничные вот шалаши и
каморки в разрезе колени рожениц раздвинутых

поры и арки

ширинки дома коридоры

пустоты вагонные полки кресла

на месте изъятых напрочь

смысла внезапное русло руина стена

* * *

Нырнула рыба, умер человек.

Игла стежок

уводит вниз.

С изнанки и поверх

небытия протянут шов -

- ОЖОГ

ВДОЛЬ живота роженицы и свист

на ВЫДОХ е - на ВДО...

прерывист. Из

тебя за жабры вынуженное вскользь

взойдет опять - живым.

Продлится врозь.

СНИЗУ ВИДИШЬ, РЕБЕНОК

той картины поры

толп одетые торсы

чужих корпуса

перед самым лицом у лица восх одящих

шерстяные ряды одинаковой тундры пальто за пальто паруса

постепенно всё ярче к весне

животы из кримплена

большие

колени в метро

трикотажные спины

лодыжки

учительниц бюсты в горох

и подола домашних

пола за полой осень

локти в рубашках горах

козырьки полумесяцы

шапок надбровных

сквозящей листвы на полях

восхищения жалости

солнца неровных

НОВОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ

самодержавие тела

держание головы на нём на голове родничка

самоклич самоплач

сим победиши дано им ему ей само пока тело

не речь

степлится самосознается кто я такой

кем-то несомый младенец кормимый лежит поднимает ногой

ткань за тканью сползает наверх

опускается с неба лицо о скольких -то веселых глазах

самовоздух

срастается плеск перепонки

на темени я улыбається сразу у всех

испаряется ночь засых ает родник

вырастает монарх

* * *

гласными и несогласными своими речь сбредается на зов

на чужбину говорить

трудными словами

слов

шкуры

смысл прикрыт

проговариваю нужное

протягиваю love me not

мольбу

язык роднит и ловит

прежде я

виделось как you

на английском

слово палое

на ловца и зверь лежит

с ума сойти

голубое это белое

белое почти

* * *

О, я,

не знающая слов и вне

себя, сказать пришла пора, я,

послушай: кто мы, кто на вид - одно,

косящимся вослед, герой герою,

себе.

Я, как любой другой,

берущее себя за локти,

приплясываю, вот беру сабвэй

и в рот воды - в залог

такого, что сказать - немею.

Я, из чьего укрытия следить -

не уследишь, колено о колено,

о волос волос, вылитый гранат

в себя влагающийся - рана в рану,

точь-в-точь как в глоссолалии рычал

язык, и звуки, Я, из дышла

выплясывали слово в щель.

Такое вымолвить - не вышло.

Не птица из груди,

не жест,

о, и не свой же х вост, не роза даже

звук бытия - он был, он не был, - мост

сюда же.

* * *

до сих пор и до сих дребезг ты

прикоснись только брызнет и вывалит зёрна гранат

сердце больше себя больше нет

никого кроме этого кто я никто

губы веки простенки и ранки витки

всё сплошное карман

всё сплошное всё было уже — все шаги

всё чего-то взамен

* * *

...серый возьми: он и есть,

а не войлок, не лебеди Ейтса,

синий, синий, а не

тенивые места вод, не лопасти лестниц,

не синяк. Черноте, желтизне

несравненным, в хранилище склянок,

метафоры нет, нет её в головах

и в забывчивой речи у склонных

сравнивать. Цвет позабыл человек.

Цвет позабыл человека.

Гори, светофор. Вытекай, желток.

Сирый голубь как голубь и куст в цветах ,

вот такой

в темноте цвет пребудет и после

зрения. В радужном масле

луж, в зелёнке на бедной губе,

на глазете гриба, на скобе флага - в знак поражения белых и красных ,

там, где луч по ветвям отцветающих и беспристрастных ,

преломления ищет себе.

С ПОРОГА

Ох вачен взором дом

и полых ают

внезапные стена, диван, комод,

на этом сквозняке, над

боками прислонённых тут и там,

вещей помельче - их видны волокна,

но общий вид размыт,

а подоконники в растениях наглядных покачивает свет.

Вот всё -

цела прозрачная, как ужас, ваза,

целы все три

торшера на полу.

Но ливень изнутри

кромсает и теснит вернувшегося, пляшет, весел,

и тело так мало.

* * *

Вместе в городах – внутри них ,

мы труда внутри, орудий

мести и труда, крупы и ткани.

Так мы линии, а так – запруды.

Голосов смыкаются стаканы,

тел соединяются приказы,

как ни посмотри – нигде не видно

вместе нас.

Но мы, конечно, вместе –

я и ты и я – все трое, сразу

всей внутри любви, дня,

даже горя, даже в грязном

зеркале обратно вместе смотрим –

ты и я и снова ты, по разным

сторонам молчания, обнявшись.

* * *

затылок памятника блещет там

спиной стоит

тот да и этот дом

зубов наперечет изнанки

неба к нам

желтеет сильная тягучая спина лежит

просвечивает в сетке

как будто рыба купленная жуть

как будто рыба вдруг пошевелинулась отвернулась прочь красotka

да это старость тыл

уютный нелицеприятный ну и что

подкладка некогда любимой вещи стол ногами кверху у

переезд обратно

к любимым о которых временно забыл но вспомнил бледных

* * *

Тел нет.

Кончится память о стебле в пальцах и даже краях банкнот,

за которые раньше вручали съестное-книги-ключи, например,
нужные там.

(Там - это там, где мир,
здесь - это потом.)

Было ненужное прежде, ненужное больше.

Из горя некуда видеть. Прежде была диоптрия, двигались поршни,

в костяных оправках луковицы глаз

смаргивали, источали

двойные моря

из углов.

Есть грунт, земляничные в нём поляны

в стопках , аллеи, свёрнутые в рулоны,

есть мертвецы в маслёнках и звезды больших грибниц,

косточки, амфоры и подошвы, клювы любовниц, сношенные одежды в
песчаных складках , известь есть, наконец.

Будет так, что насадный щебет

просочится сквозь прелые сны и щебень, шубы лесных - к тебе

и ко мне в тебе

тебя, туда, где раньше слух был, и стук и трепет, где мел и копоть
будут, где мел и слякоть, вспомнит весна, где мы.

В ДЕНЬ

так и я без конца наклоняясь к тебе отстраняясь напротив тебя
вертикальное озеро

СПЛЮ

древний грек, переживший войну

там ослепший

прих одит

трогать южную стену

большой барельеф

в память той самой битвы

уже узнаёт

часть за частью спины

и наощупь

крест-накрест колчанный ремень

профиль к профилю веко начало плаща занесённую руку

свое ли колено

врага поворот расхождение складки на сгибе плеча

два дырявых зрачка

слишком узких потрогать внутри

и торчащую вечно стрелу

изо дня проникаясь

случившимся

память любви

31 АВГУСТА

...яблоко то лбы, то одни подбородки,

фиолетовые кочаны: позвоночники, вены капусты,

гладиолусы в школу, не к месту

снятся полжизни спустя,

в электричке савёловской,

в этом порядке

купленных перед Москвой и озвученных песней за кадром,

голые снятся в мешках сорванцы огородов, с накатом

осени, в этом вагоне поют,

на последнем сиденье,

вдаль перекрытия, эх ,

завтра меня, как портфель, навсегда соберут

(проезжаем тоннель, свидание). Песня для всех .

* * *

Есть время - это оперный сезон,

и оперы - одна другой краснее,

небесные бока

и глупость, радость

прогулки есть, цветное оперенье,

ребёнок-девочка и друга кротость,

оставить с кем,

х орошие места

по центру: там слышна слеза героя.

Рот у него – партер, и челюсть -

амфитеатр, и в самой глотке дверца

кольшется за только что ушедшим.

Всё в целости оставил: розу в розе,

в атласе ложи, шторы бах рому,

живых живым, и всякие лекарства.

Звук - никому,

и ветер - никому.